

Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ

Соловьёв и Достоевский

Объективная необходимость этого перехода подтверждается тем, что, в занимающую нас эпоху, он совершается не у одного только Соловьёва. В 1880 году тождество русского с универсальным провозглашается Достоевским; последний в своей знаменитой пушкинской речи категорически заявляет, что «всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя и исторически необходимое».

До сих пор было принято думать, что учение Соловьёва сложилось под влиянием Достоевского; едва ли, однако, вопрос о влиянии Достоевского на нашего философа допускает столь простое и одностороннее решение. Не подлежит сомнению, что между обоими писателями с конца семидесятых годов была большая близость. Из свидетельства Соловьёва мы знаем, что в 1878 году оба они вместе ездили в Оптину Пустынь, причём Достоевский излагал своему другу «главную мысль, а отчасти и план целой серии задуманных им романов, из которых в действительности был написан только первый — Братья Карамазовы»¹. Мысль, положенная Достоевским в основу этой серии — «Церковь, как положительный общественный идеал»² в то время была руководящим началом и для Соловьёва. До какой степени в ту пору оба жили одной духовной жизнью, видно из того, что, говоря об основах своего мирозерцания, Достоевский в 1878 году высказывается от общего их имени. В письме к Н. П. Петерсону, по поводу прочтённой только что вместе с Соловьёвым рукописи Н. Ф. Фёдорова, он пишет: «Предупреждаю, что *мы здесь*, т. е. я и Соловьёв, по крайней мере, верим в воскресение реальное, буквальное, личное и в то, что оно будет на земле»³.

Без сомнения, в то время оба писателя вместе продумывали и развивали общее мирозерцание. При этих условиях влияние их друг на друга, понятное дело, должно было быть взаимным. Есть основание думать, что оно было определяющим не только для Соловьёва, но и для Достоевского. В частности, по-видимому, универсальное понимание задачи России перешло от первого к последнему, а не наоборот.

В пушкинской своей речи Достоевский, как известно, говорил, что особенность русского гения заключается в его всемирной отзывчивости, что, соответственно с этим, — русскому народу не свойственно желание «укрепляться от всех в своей национальности, чтобы ей только одной всё досталось». «Мы не враждебно (как, казалось, должно было бы случиться), а дружелюбно, с полной любовью приняли в душу нашу гениев чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и склонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого Арийского рода. Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите». Культурная задача России, соответственно с этим, формулируется Достоевским так: «Стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

В 1880 году, когда эта речь была произнесена, Достоевский прекрасно знал, что мысль его — не нова: он прямо признал, что раньше его она была «высказана не раз». Но, спрашивается, кем же? Достоевский, очевидно, не мог здесь иметь в виду самого себя, собственных своих более ранних произведений. В ту пору, когда автор «Бесов» и «Идиота») думал, что Христос неизвестен Западу и что мир должен быть спасён «одной только русской мыслью, русским Богом и Христом», — он

был, очевидно, далёк от заключения, что спор славянофильства и западничества есть простое историческое недоразумение. Раньше Достоевский относился безусловно отрицательно к западной культуре. Теперь, в пушкинской речи он говорит о необходимости признать её ценности и вместить её во всечеловеческой русской душе. Мы имеем здесь несомненно перелом в воззрениях Достоевского, который для него самого связывается с «не новой» и, следовательно, кем-то раньше высказанной мыслью.

Из предыдущего мы уже знаем, что раньше, в 1877 г., она была высказана Соловьёвым. Нетрудно убедиться, что формулировка её, данная последним в «Трёх силах», точнее и шире. У Соловьёва его «третья сила» осуществляет единство всего человеческого рода, как целого, без всяких ограничений. Между тем, мысль Достоевского задерживается какими-то психологическими препятствиями, которые мешают ему принять универсализм Соловьёва во всём его объёме. Он говорит о готовности русского народа к «всеобщему, общечеловеческому воссоединению со всеми великими племенами *арийского рода*» (курсив мой), не замечая того глубокого внутреннего противоречия, которое заключается в этом исключении из всечеловечества племен неарийских. Идее «всечеловечества» противоречит в корне антисемитизму Достоевского: очевидно, она у него — не изначальная и не своя; остаётся допустить, что она была им усвоена благодаря постороннему влиянию. Что влияние в данном случае исходило именно от Соловьёва, — доказывается не одним сопоставлением речей того и другого писателя, но также и тем, что в период, отделяющий обе эти речи (с 1877 по 1880 г.), общение между ними было всего теснее. Раз в ту пору они сообща переживали и передумывали самые заветные свои думы — в той самой Оптиной Пустыни, которая вдохновила наиболее яркие страницы «Братьев Карамазовых», — предположение, что Соловьёв не ввёл Достоевского в круг мыслей, выраженный в «Трёх Силах», представляется совершенно невероятным.

Для меня, впрочем, не так важно выяснить здесь влияние одного писателя на другого, как установить факт их *согласия* в общем и основном. Он свидетельствует о том, что учение Соловьёва о миссии России не есть только случайное, *личное* увлечение, а целое течение религиозной мысли, исторически необходимое, тесно связанное с общим ходом истории.

Сам Соловьёв, переживавший подъем освободительной эпохи и возбуждающее влияние великой освободительной войны, ясно сознавал связь между идеями и всемирно историческими событиями. От войны 1877 года он ждал «пробуждения положительного сознания русского народа»⁴.

У него самого это пробуждение выразилось в виде веры в Россию, как спасительницу народов. Оно отразилось в том расширенном понимании русского национального мессианства, которое от Соловьёва перешло к Достоевскому. В связь с этим должна быть поставлена другая, чрезвычайно важная черта сходства между обоими писателями, которая, сколько мне известно, доселе не была отмечена.

В «Братьях Карамазовых»⁵ Достоевский высказывает тот самый «положительный общественный идеал», о котором впоследствии говорит Соловьёв в первой своей речи о Достоевском⁶. Тут Достоевский ставит вопрос, который, как известно, является основным для Соловьёва и даёт то самое решение, которое в ту пору давалось и последним.

Общественный идеал «Братьев Карамазовых» сводится к тому, что Христос должен стать всем во всём в человеческой жизни. А это значит, что во Христе должно преобразиться и всё человеческое общество. Но владычество Христа на земле есть не что иное, как *царство церкви*. Церковь «есть воистину царство и определена царствовать, и в конце своём должна явиться, как царство на всей земле несомненно, — на что мы имеем обетование...» Этим, по Достоевскому, определяется и нормальное отношение церкви к государству. В Западной Европе ей отводится в государстве «как бы некоторый лишь угол, да и то под надзором, и это повсеместно в наше время в современных европейских землях. По русскому же пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалась в государство, как из низшего в высший тип, а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. Сие и буди, буди». В настоящее время христианское общество ещё не готово к этому переходу; но оно должно к нему готовиться, ждать «полного преображения из общества почти ещё языческого во единую вселенскую и владычествующую церковь».

Достоевский противопоставляет этот свой идеал римскому католицизму. В будущем христианстве, как он его себе представляет, — не церковь обращается в государство. «То Рим и его мечта.

То третье диаволово искушение. А, напротив, государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму..., и есть великое предназначение православие на земле. От Востока звезда сие воссияет».

В этих строках Достоевского мы имеем краткое изложение почти всех тех мыслей, которые легли в основу теократического идеала Соловьёва, как он определился в конце семидесятых годов, до разрыва философа с славянофилами и до увлечения его римским католицизмом; все изложенные здесь мысли, не исключая и противоположение православия католицизму с его «третьим диаволовым искушением» были высказаны Соловьёвым⁷, или раньше появления «Братьев Карамазовых» или одновременно с ним. По указанным выше основаниям, совпадение в мыслях и в самых выражениях не может быть случайным и здесь. Переход от старославянофильской точки зрения к более широкому универсальному пониманию христианства и русской национальной задачи начал зарождаться в мысли обоих писателей как раз в эпоху наибольшей их взаимной близости; и одновременно их духовные интересы объединились в общем идеале «царства церкви» или, что для Соловьёва одно и то же, — царства Божия на земле⁸.

1913

